

Екатерина Жиллякова: «Люди, которым надо»

д е с я т ь в о п р о с о в с а м о м у с е б е

1. Журналистика — это...

...характер. Это большой интеллект. И решение поставить свою жизнь на службу людям. Журналисты ведь очень разные. Есть герои, которые идут до конца и делают свою жизнь инструментом стояния за правду — это scream of scream профессии. Есть журналисты, которые каждый день идут добывать новости, как шахтёры в забой, и у них бешеная интуиция. Есть те, в ком превалирует интерес, здоровые риск и тщеславие и дипломатические способности — военкомы и журналисты-международники. Есть аналитики, которые подчас разбираются в своём предмете лучше специалистов. Есть колумнисты и ведущие авторских программ: они изобретают слова и образы, которыми мы потом описываем свою жизнь.

Есть те, для кого сама жизнь — это слово. Как, например, недавно скончавшаяся Зоя Ерошок. Если про большинство статей профессионалу более или менее понятно, как они сделаны, то разобрать на части текст «журналиста слова» практически невозможно: это сугубый талант.

Но все вместе — это люди, «которым надо», иногда — которым надо больше всех. И это всегда очень умные люди с системным мышлением, которые раньше других видят то, что едва забрезжило на горизонте.

2. Почему вы пошли в журналистику?

Помните, как в «Дне выборов»: «Почему послом именно в Тунис?» — «Ну а куда же его?» Я пошла в журналистику, потому что не знала никакой другой жизни, а эта была очень интересной.

Мои родители работали собкорами ТАСС и «Советской торговли» сначала в Тюмени, потом в Краснодаре (а до этого мы жили ещё и в Ульяновске, и в Кызыле). Мы жили в соборовском доме, нашими соседями и моими друзьями были собкоры и их дети. Отец мотался по командировкам, и это всегда были потрясающие истории: то он в Певеке работает в штабе спасения каравана судов, то открывает Саяно-Шушенскую ГЭС, то пропадает на Самотлоре...

Мама, как все мамы, захватывала нас с братом на работу, и это значило, что ты сидишь за кулисами и слушаешь интервью Эдиты Пьехи, или в редакции смотришь на человека со странным именем Тельман Гдлян (он разоблачил хлопковую мафию). То мы едем в плацкарте из Ульяновска в Кызыл, то трясёмся на кукурузнике, то переваливаем через Уральские горы на тассовской «ниве» по пути из Тюмени в Адлер. К нам постоянно приезжали отцовские коллеги, а тассовцы той поры — это особенные люди...

Когда мы шли по улице, к маме кто-то подходил и благодарил за то, что спасла от увольнения... Мы приезжали в Москву, шли в гости к друзьям-журналистам и на их кухне обнаруживали артиста Константина Григорьева из любимого фильма «Зелёный фургон»...

Мне очень хотелось быть такой, как все эти весёлые, умные люди. Уметь разговорить человека, точно понять логику событий и описать её так, чтобы героям понравилось и чтобы после статьи что-то изменилось.

Ну какая ещё у меня могла быть жизнь, если я в 4 года читала журнал «Крокодил» (о чём мне до

сих пор с изумлением рассказывает при каждой встрече тётя), в 10 прочла учебник агентства «Рейтер», переведённый для ТАССа, а в 14 выдала дневник о школьной практике на пяти полосах «Тюменского комсомольца»? (И получила за дневник какую-то премию и мешок писем от заключённых: статьи сопровождалась девичьим портретом.)

Вот мой брат «спрыгнул» и пошёл в бизнес, но и он одно время после работы бежал на краснодарское ТВ и вёл передачу о музыке. Да и сын его поехал поступать на эколога, а оказался на режиссёрском факультете и сейчас снимает свой первый документальный фильм.

Ну и честно говоря, я, как и многие журналисты, грезил тем, что статьи в газетах — это лишь ступеньки на пути к большому роману. Кажется, с годами мне удалось истребить эту дурную склонность.

3. Кого из героев материалов вашего издания (программы) вы помните и почему?

Тут у меня целая россыпь историй, но боюсь, что сегодня многие не поверят, что такое было возможно. Ну представьте: конец 1990-х, село Черноречье в Оренбургской области, по земле которого проходит труба «Газпрома». И глава села Александр Митин идёт в суд и отсуживает у района часть налогов от «трубы». На эти деньги ремонтирует ДК и реорганизует школу — да так, что дети поголовно поступают в вузы, а село ещё и выдает им по второй стипендии.

Или другое село, в Мордовии, — Камаево. Компания друзей и родственников со всей страны переехала сюда, чтобы заняться фермерством. И, натурально, попала в фильм «Любить по-русски». Эти парни и в кустах с обрезками, встречая бандитов, лежали, и выбитые стёкла в окна и в машины по разу в месяц вставляли. Но — выстояли. И однажды сами дошли до идеи самоуправления и выбрали себе президента (я не шучу) села — Николая Шлукина. Так в стране появилось первое официальное сельское муниципальное образование (я не преувеличиваю). Они тоже сделали из Камаева конфетку, Шлукин потом руководил сельским хозяйством района и был депутатом Госсовета Мордовии, правда, его изношенное

сердце долго не протянуло. Вы, наверное, встречали в магазинах фермерское масло из Ичалок? Ну вот, село Камаево Ичалкинского района. Или россыпь всеми любимых шоколадных брендов — Alpen Gold, Milka, Воздушный, Toblerone... Для России их делают в Покрове. А начиналось всё с того, что в середине 1990-х мэром нищего Покрова выбрали Вячеслава Рогова. Денег в бюджете нет (город потом тоже долго пытался отсудить налоги у области), есть только полуразрушенные кирпичные стены знаменитой дореволюционной шоколадной фабрики Stollwerck. Рогов едет в Германию, притаскивает в Покров ту самую фирму Stollwerck и возрождает шоколадное производство. Ну всё и завертелось...

Спустя годы история для меня закольцевалась. В середине 2010-х я напросилась к знаменитому основоположнику российской урбанистики Вячеславу Глазычеву (ныне покойному): хочу ездить с вами и описывать, как вы работаете. А Глазычев перед смертью работал над двумя стратегиями развития: Москвы и Петушинского района Владимирской области, куда входит и Покров. К сожалению, Петушинская стратегия так и не была реализована, но «побочным» эффектом работы стала раскрутка бренда — Покровского пряника. В общем, всё яркое обычно возникает на хорошо подготовленной почве.

Или ещё один раскрученный сегодня бренд — город Коломна, куда на экскурсии ездит «вся Москва». Да и Президент РФ именно в Коломне заявил о том, что в нацпроект «Комфортная городская среда» войдут малые и исторические города. А начиналось всё с того, что автор коломенского чуда Наталья Никитина защищала исторические здания от сноса и буквально на кухне восстанавливала дореволюционный рецепт коломенской пастилы, которую когда-то поставляли для императорского двора. Теперь Никитина — хозяйка музейного комплекса размером со всю Коломну, который буквально сконструировала по кусочкам. Или моя любимая (и, увы, тоже покойная) глава Угличского района Элеонора Шереметьева: она в первый день пришла на работу с тапачками, потому что даже в кабинете мэра текла крыша. А ушла, проведя в каждую квартиру водопровод, при-

тащив в Углич инвестиции, открыв десяток музеев...

Или Глеб Тюрин, который третий десяток лет ездит по умирающим сёлам и воодушевляет их жителей на спасение имеющимися силами. Просто погуглите «Нью-Ёркино»... Это целый пласт людей, которые изо дня в день кладут свою жизнь «за други своя». Надеюсь, что в обозримом будущем я таки выложу архив нашего журнала в открытый доступ, а может быть, наконец сяду и займусь книгой об истории российского постсоветского самоуправления.

4. Вы считаете себя свободным от самоцензуры?

У меня такая специфика, что вопрос цензуры особо остро никогда не стоял, в отличие от коллег из «нормальных» общественно-политических СМИ. Мы делали хотя и не в полной мере корпоративное издание (наш журнал скорее просветительский), но всё же — журнал, рассчитанный на узкую профессиональную муниципальную аудиторию. С такой повышенной клиентоориентированностью довольно странно звать на баррикады. Моей задачей было срежиссировать номер так, чтобы заставить читателей-муниципалов задуматься, воодушевить их и натолкнуть на новые идеи.

Хотя я горжусь, например, тем, что именно в «Муниципальной власти» была опубликована статья Андрея Замотаева о том, что мы не совсем точно перевели Европейскую хартию местного самоуправления, которую подписывали, вступая в Совет Европы. Неточно — просто потому, что в нашем, как иногда говорят, менталитете тогда не было адекватных слов и мы, не отдавая себе в этом отчёта, перевели «местные сообщества» как «органы самоуправления». Но это, как говорится, совсем другая история.

5. Что (или кто) помогает не терять веру в себя и в профессию?

Честно говоря, тут я не знаю, что ответить, потому что никогда не думала, потеряла я эту веру или нет. Журналистика, как пресловутая система обратной связи, — это неотъемлемая функция и часть общества. Её бессмысленно запре-

щать и ограничивать: информация как вода — всегда дырочку найдёт. Телеграм ограничили, но сидят-то все по-прежнему в нём. У приезжающих в Северную Корею отбирают мобильные и водят по улицам только в сопровождении, но всё равно весь мир знает, какая там жизнь... Стало что-то непонятное происходить на главных телеканалах — все ушли в Интернет...

Так что если не мы, то всегда найдётся тот, кто не испугается и расскажет или задаст нужные вопросы. И конечно, я преклоняюсь перед настоящими расследователями — в нашей профессии это как нобелевские лауреаты.

6. «Если не журналистика, то...» — или где вы еще можете принести пользу?

Видимо, на подпольной фабрике в Китае. Нас же готовили к жизни в условиях тотального бытового дефицита. Поэтому я ещё в школе вязала «настоящие» исландские свитера для всей семьи и шила своему брату такие джинсовые костюмы, что все считали, будто это фирменные импортные вещи. На выпускной соорудила себе настолько шикарное платье, что потом, в период безденежья, продала его за сто рублей — а тогда стипендия была рублей 30. Жалею, кстати, страшно, что продала.

На самом деле отец, не питавший иллюзий насчёт устроенности судьбы женщины-журналистки, после школы «случайно» затащил меня в Текстильный институт имени Косыгина — в надежде, что я решусь поступать на модельера. Но в приёмной комиссии «случайно» выяснилось, что первый экзамен — это рисунок, и я с облегчением потопала к своим, на журфак.

Ещё я пишу неплохие речи. Только в Кремле перед президентом написанных мною докладов разные мэры и депутаты прочли примерно с полдюжины. Но это, наверно, тоже про журналистику. А вот все друзья говорят, что я совершаю преступление, не открывая свой ресторан.

7. Как вы отдыхаете?

Море. Много моря. Очень много моря. Детективы. И покулинарить.

Дом моих бабушки с дедушкой стоял под Адлером — там, где теперь Олимпийская деревня. Вот

где сейчас выстроили отель «Имеретинский», раньше они и жили. Даже название улицы, на которой стоит отель, сохранилось — улица Голубая. На Голубой, 12, вырос отец, и сюда на всё лето забрасывали нас с братом. Поэтому по-настоящему я счастлива только на море, где чувствую себя как рыба в воде в прямом смысле. Обожаю детективы, особенно старомодные английские и скандинавские, где особенно интересны мелочи очень отличающегося от нас социума. Могу залечь на сутки с сериалом или книжкой и не вставать, пока не вычислю, кто убийца. Обожаю готовить и кормить. Друзья, собираясь в гости, заказывают любимые блюда, а родственники, заезжая на час, молят: «Только не готовь много, как на роту солдат» (пробовала — не получается, всё-таки моя бабушка-то казачка, а мы крекеры к чаю не понимаем). Кстати, иногда на досуге я пописываю рецепты в одну газету.

8. Какие хулиганские поступки вы совершали в детстве или юности?

На первом курсе журфака МГУ у нас была компания под предводительством уже взрослой Лены Артемчук — белокурой хохотушки типажа «мечта поэта». Лена несколько лет прожила с мужем в военном гарнизоне, поэтому юмор у неё был очень специфическим. Проще говоря, «мечта поэта» была, как сейчас говорят, троллем 80-го уровня.

Однажды на лекции по какому-то оторванному от жизни предмету вроде научного коммунизма Артемчук от скуки троллила записочками другого нашего однокурсника Диму — тоже уже взрослого и уже самостоятельно зарабатывавшего. Они так разогнались в обмене репликами, что Лена под наше хи-хи и ха-ха написала Диме что-то вроде «Слабо передать мне 40 рублей?» (а стипендия была 35). А тот взял да и передал. Мы хохоча выбежали на Манежную площадь и пошли в знаменитый ресторан «Славянский базар». Тот, где Станиславский и Немирович-Данченко придумали МХАТ. В «Базаре» весело проели эти 40 рублей — с блинами, чёрной икрой и прочими прелестями. Что-то мы потом даже собирали, чтобы вернуть...

А пострадавшим однокурсником был Дмитрий Цилюрник — сейчас он заместитель председателя Союза журналистов Московской области и очень солидный издатель и редактор. История закольцевалась: свои рецепты русской кухни я в охотку отправляю в его газету «Мир пенсионера», которую дальновидный Дмитрий недавно создал. Артемчук же опять укатила в какую-то глушь и потерялась из виду: может быть, кто-то из читателей с нею знаком?

Были ещё два судьбоносных не то чтобы хулиганства, но мятежа. Сначала я добровольно ушла из правительственно-парламентской службы ТАСС. Меня грызла мысль о том, что работать у отцовских друзей — это всё же слишком лёгкий путь, на котором я могу не состояться как личность. И ещё в голове сидела идея, когда-то внушённая всё теми же старшими коллегами: у журналиста должна быть своя тема и большой багаж знаний по ней.

Когда я написала заявление, тассовское начальство, знавшее меня с пелёнок, оставшуюся до увольнения неделю разговаривало со мной очень аккуратно. По-моему, они не были уверены в том, что я не сошла с ума до такой степени, чтобы не начать на них бросаться: всё-таки не каждый день видишь человека, который добровольно сходит с дистанции, ведущей напрямик в заведующие каким-нибудь европейским корпунктом.

Но я до сих пор уверена в том, что поступила правильно, и на самом деле прожила очень интересную жизнь. Однако если я что-то и умею в журналистике — то только благодаря ТАССу, отцу (он лет 30 входил в тройку лучших собкоров, и у него наград за «заметки» — как у фронтовика) и кругу папиных друзей и коллег из того золотого периода агентства. Фактически ТАСС — это мой второй родной дом.

Я, конечно, очень смешно пустилась в свободное плавание — ушла-то я к часто бывавшему в нашем краснодарском доме Николаю Егорову, который стал министром РФ по делам национальностей и региональной политике.

Но всё же это были далеко не тепличные условия, и в министерстве ко мне относились без умиротворяющего снисхождения. Практически сразу началась Чеченская военная кампания, в

которую была втянута команда Егорова. Меня сначала прикомандировали к объединённому пресс-центру при Минпечати (где мы работали вместе с Ирой Фроловой — потом она вышла замуж в Норвегию и стала Ириной Бергсет, той самой, у которой отобрали младшего сына, а со старшим она оттуда сбежала).

А потом меня вызвал один из замминистров и таким тоном, будто вручал награду, объявил: «Вам, Екатерина Викторовна, оказана большая честь — вы на несколько месяцев едете работать в Чечню». То бишь на войну. Я «взяла под козырёк», закрыла за собой дверь и в тот же день в первый и последний раз в жизни купила себе липовую справку. Ибо деятельностью, тем более опасной, я всё-таки люблю заниматься осмысленной. Когда через пару месяцев я «выздоровела», мне пришлось внутри министерства искать новую интересную тему для приложения усилий.

И вот тут-то я и обнаружила компанию потрясающих людей: только что прошли первые прямые выборы мэров и городских депутатов, и самых ярких из них — как правило, бывших учёных из «почтовых ящиков» — тут же выхватили в Минрегионнац развивать местное самоуправление по стране. Эти люди выстроили первую российскую муниципальную реформу, ну и заодно — мою судьбу.

9. Ваше самое яркое воспоминание?

Очень хочется написать: день, когда из моей тумбочки пропала стипендия на всю группу. Но я расскажу про поразивший меня не так давно памятник мэру Варшавы — избранному в 1934 году Стефану Старжинскому. Старжинского называли «президентом пригородов», и на памятнике — карта «Большой Варшавы».

Неудивительно: при нём за четыре года открылись более 40 школ, началось строительство первого метро, открыт Национальный музей, два парка стали публичными, снизилась безработица. В 1939-м, когда фашисты вторглись в Польшу, Старжинский отказался бежать, руководил обороной города, потом остался комендантом при немцах — только чтобы участвовать в организации первого подполья, но уже в декабре 1939-го попал в гестапо...

Екатерина Жилиякова окончила журфак МГУ, работала в газете «Краснодарские известия», правительственно-парламентской службе ТАСС, Министерстве по делам национальностей и региональной политики РФ.

Сегодня — главный редактор журнала «Муниципальная власть».

С сентября 2018-го параллельно занимается развитием информационных проектов Общероссийского конгресса муниципальных образований РФ (ОКМО)

После войны его именем назвали несколько школ, радиостанцию (во время обороны он выступал с радиобращениями к жителям), в 1970-е о Старжинском сняли фильм, а в 2003 году выбрали «варшавянином века». Я наткнулась на эту скульптуру случайно, но история вот такого, положившего жизнь за други своя, мэра впечатлила надолго.

10. Ваши любимые: книга, фильм, песня, блюдо, напиток?

Я, конечно, читатель запойный и только в Москву перевезла 2,5 тысячи томов из родительской библиотеки. Но особенное наслаждение — это когда сформулировано так, что в одной парадоксальной фразе — вся мудрость Вселенной. Поэтому: весь Шекспир, Бернард Шоу, пьесы Островского, конечно. Довлатов и письма Пушкина и Чехова. Ну и сборник настоящих афоризмов.

Есть несколько фильмов, которые я не устаю пересматривать. Это «Кабаре», «Однажды в Америке» и «Отступники». Из наших — «Неоконченная пьеса для механического пианино», старый советский фильм «Почти смешная история», поставленный великим Петром Фоменко, внезапно — «Интервенция» Полоки и почему-то «День выборов». Когда меня что-то вышибает из колеи, именно эти фильмы «дают настроение».

С музыкой то же самое: слушаю то, что даёт мне ощущение полёта, а поскольку со слухом у меня беда, то список внезапен. Просто перепису первые названия постоянного трек-листа: «In the death car», «The man, who sold the world», «Black to black» (только не клип, а обязательно запись живого выступления Эми), «Hotel California» и тут же «Bang Bang», «Bei mir bist du sch?n» (которая «В Кейптаунском порту») и «Калашникофф» Бреговича — ух! Русский трек — это «Коллибри», «Дорога» «Аукциона» и «Дорога» Альберта Асадуллина, три песни Игоря Григорьева и тут же внезапно «Если хочешь остаться» «Диско-теки Аварии» и «Белой акации ветви душистые». Обычно на чём-то зацикливаюсь и кручу по несколько месяцев. В прошлом году это были «Ленинград» (только с Алисой Вокс) и потрясающий Игорь Григорьев (который бывший «Птюч»), в этом — умираю по американским винтажным песням: все эти невероятные ребята из «PostmodernJukebox», о-о-о!

Я бесконечно могу питаться сочетанием, которому научилась во Франции: кофе и сыр с темным хлебом и мёдом. Не могу спокойно пройти мимо польской кухни со всеми её потрошками, бигосами и качками (утками). Когда первый раз попала в Варшаву, то по главной улице Новы Свят шла часа три, пока не заглянула в каждое кафе. Наверное, дело в крови: моя вторая бабушка — полька. Всё собираюсь с духом сделать особую закваску, чтобы наконец сварить на ней знаменитый суп журек, который в Польше вкусен даже в поездах. И ещё, конечно же, грузинская еда. Вот просто — вся. Мне кажется, все эти чакапули, чанахи, пхали, хачапури и хинкали посланы нам с небес в утешение.

✂